

УДК 34.04

Никулин В.В.

Тамбовский государственный технический университет

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-Е ГГ.)

V. Nikulin

Tambov State Technical University

THE CONCEPT OF JUSTICE IN THE SOVIET RUSSIA OF THE 1920S

Аннотация. Рассматриваются политико-правовые и социально-экономические факторы, влиявшие на формирование в советском массовом правосознании негативного отношения к закону. Анализируется государственная правотворческая и правоприменительная практика. Показаны определяющие факторы, влиявшие на правовое поведение населения. Аргументируется вывод о том, что правовая доктрина, реализуемая в соответствующей правовой политике, являлась важнейшим фактором, детерминировавшим типологические черты массового правосознания в 1920-е годы.

Ключевые слова: правовая политика, правосознание, правовое поведение, революционная целесообразность, судебная практика, правовая действительность, правовой нигилизм.

Abstract. The paper considers the political, legal and socio-economic factors that affected Soviet people's negative attitude to the law. The author analyzes the state law-making and law-enforcing practices and highlights the factors influencing the population's legal behavior. The conclusion is made that the legal doctrine realized in the corresponding legal policy was the major factor determining typological features of mass legal consciousness in the 1920s.

Key words: legal policy, sense of justice, legal behavior, revolutionary expediency, practice of the courts, legal reality, legal nihilism.

Новая экономическая политика, требовавшая создания благоприятных условий экономической деятельности, обусловила пересмотр позиций относительно «ненужности» права после пролетарской революции. На уровне государственной власти была признана необходимость формирования нового права, адекватного новым экономическим условиям. В 1922-1923 гг. принимаются основные кодексы-законы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный, которые создавали предпосылки организации жизни общества на правовых основах. Однако партийно-правовая доктрина объективно определяли параллельный вектор развития правовой действительности – пренебрежительное отношение к формальному закону, подмена законности революционной целесообразностью, укрепление нигилистических правовых установок. Попытаемся выявить несколько основных факторов, в наибольшей степени негативно влиявших на формирование массового правосознания в 1920-е гг.

Специфическая черта правосознания состоит в том, что оно реализуется не только на стадии правоприменения, но и на стадии правотворчества, присутствуя в той или иной степени в нормах права. Поэтому первым фактором, влиявшим на правосознание, была правотворческая деятельность. Признание необходимости твердого закона в стране не снимало вопроса: каким должен быть закон в советском государстве? Н.И. Бухарин ответил на этот

вопрос однозначно: советский закон – это закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры. Нарушение законов пролетарской диктатуры – есть ломка пролетарской диктатуры [1, с. 351]. Вывод – закон должен защищать пролетарскую диктатуру, то есть защищать монополию на власть правящей партгруппы посредством судебной системы и политически ангажированных законов. Культивированное властью представление о праве как инструменте классового насилия оказало самое непосредственное воздействие на право творчество периода нэпа.

Одним из таких проявлений являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами, что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является «текучим» и быстрым ... Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, мы сейчас же внесем нужные исправления. Быстроты законодательства подобной нашей, другие державы не знают» [2, с. 358]. То есть понимание законности исходило не из его постоянной величины и значимости, а из классовых интересов, определявших его изменчивость и необъективность. Именно такое понимание было заложено, например, в Гражданский кодекс. Главный смысл заключался в обязательном соответствии норм гражданского законодательства партийным нормам и их допустимость до тех пор, пока они не противоречат партийным ценностям. Если они противоречат этим нормам и ценностям, то они либо ограничиваются, либо запрещаются. Поэтому в гражданском кодексе отсутствовала основа предпринимательской деятельности – гарантия собственности.

Право собственности не рассматривалось как неотъемлемая основа хозяйствен-

ной жизни. Все это делало частнопредпринимательскую деятельность в условиях нэпа ненадежной и временной. В предпринимательской среде преобладали негативные настроения – сорвать быстро куш не планируя свое дело на долгосрочную перспективу. В данном случае логика законодателя вела не только к формированию в сознании населения искаженного правосознания в области предпринимательства, но и логику формирования базового компонента массового правосознания – абсолютного верховенства государственной власти над законом, который власть может изменить в соответствии с политическими и экономическими интересами правящей элиты, а не с интересами населения. В результате система представлений и оценок правовой действительности на обыденном уровне сводилась к суждению «государство всегда право», а правовое поведение заключалось в противоправном стремлении обойти закон и не выполнять государственные предписания.

Второй фактор, влиявший на формирование нигилистических установок – это судебная практика. Создание законов, имевших склонность к широкому толкованию, позволяло суду, как орудию охраны интересов господствующей элиты, успешно решать задачу вынесения классово обоснованных приговоров, что в практическом плане проявлялось в отсутствии равноценности наказания для различных социальных групп. Система наказаний строилась не столько на основании меры поступка, сколько на основании социально-классовой принадлежности, причем второе было куда весомее при определении меры наказания. Юридический «оценочный механизм» (определение меры наказания) состоял в определении «свой» – «чужой». Признаки «своего» – это единство социального происхождения. Особенно рельефно классовый подход подчеркивают статьи 24-я и 25-я УК РСФСР 1922 гг., в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание [3, ст. 24,25]. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Многочисленные указания и

инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». Например, в циркуляре Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1924 г. разъяснялось, что суды при определении наказания должны были руководствоваться непреложным правилом: «учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности»¹.

Политическое понимание сущности юридических норм создавало конфликт социального поведения и классовой принадлежности, что вело к существенным последствиям. Во-первых, формировались устойчивые шаблоны пролетарского нигилистического правового поведения, а безнаказанность и вседозволенность снижали мотивационное действие наказания, что, в свою очередь, влияло на повышение преступности среди «своих классов». С другой стороны, способы реализации правосудия в форме разрешения правовых споров на основе классовой принадлежности вызывали негативную реакцию населения, недовольного мягкими классовыми приговорами. Особенно раздражала, например, крестьян безнаказанность конокрадства и краж сельхозпродукции, наносившие наибольший экономический ущерб крестьянским хозяйствам. Авторитет суда у населения в этой ситуации был ничтожен, а закон не рассматривали как общеобязательный свод правил поведения. Поэтому в деревне участились самосуды над конокрадами и грабителями. Можно определенно говорить об углублении в 1920-е гг. негативного отношения населения и прежде всего крестьянства к официальному правосудию и укреплению на этой почве нигилистических установок, реализуемых в соответствующих моделях правового поведения граждан.

Третий фактор, вливший на формирование советского правосознания – это партийно-советский правовой нигилизм, исходивший от властных структур. Гражданская война привела к жесткому «правовому ни-

гилизму», означавший абсолютное олицетворение власти с законом и включение права в партийно-государственную систему. Большевики смотрели на закон как на лишь дополнительный механизм реализации политической доктрины. Право заменялось указаниями, предписаниями, циркулярами, стержнем которых выступала революционная целесообразность как способ разрешения любых юридических конфликтов. Партийно-государственные структуры, превратившиеся во время Гражданской войны в «княжества», управляемые «князьками», стали для себя своим собственным законодателем и судьей, считая свой собственный поведенческий образец безупречным. Закон свелся для них к собственным представлениям и собственным нормам поведения.

Такой подход выливался в прямое давление на суды с целью принятия политически нужного решения. На этой почве часто возникали конфликты между судами и местными органами власти, сопровождавшиеся усилением взаимного недоверия, ростом напряженности в коллективах, сильным психологическим давлением. Например, осенью 1925 г. возник конфликт между Воронежским губкомом и прокурором губернии. Прокурор обвинил губком в «уводе» коммунистов от суда, а губком обвинил прокурора в преследовании ответственных работников. В ответ на требование НКЮ соблюдать законность в связи с данным конфликтом секретарь Воронежского губкома отреагировал жестко: «Я самообразованием и укреплением авторитета суда и права из-за желания, эксцентричности некоторых товарищей, заниматься не намерен и если будет нажим со стороны Наркоматов, то я предложу посадить на мое место одного из тех, кто будет нажимать советским порядком. У нас есть губком и ЦК и никаких кляуз и заявлений работников Наркоматов не должны приниматься и на них реагировать»². Таких конфликтов было великое множество и все они свидетельствовали

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.- 524. Оп.1. д. 376, л. 67

² Государственный архив общественно – политической истории Воронежской области (ГАСПИВО). Ф.1. Оп.1. Д.687. Л.43

о серьезном и широком распространении нигилистического отношения к закону, усугубленного партийными и местными амбициями, расширении практики политических фальсификаций на местном уровне и прямом вмешательстве партийных органов в компетенцию судов.

Немаловажными оказались и долгосрочные трансформации. Складывалось дистанционное соотношение между властью, правом и законом, с одной стороны, и основной частью населения, с другой. Право, закон народом олицетворялись исключительно с властью, они не видели в них способа защиты своих интересов и прав. Отсюда как бы «удвоение» правового нигилизма. Наконец, в условиях абсолютного доминирования партийного аппарата в сфере права, сформировался слой «партийных юристов», обслуживающих партийные нужды. Не вызывало уважительного отношения к праву и установление особого (внеправового) порядка привлечения к ответственности членов ВКП (б), что позволяло коммунистам (прежде всего ответственным работникам), уйти от ответственности. В мае 1921 г. принимается циркуляр ЦК РКП (б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными органами РСФСР, в случае возбуждения следствия или суда на члена партии». Циркуляр обязывал судебно-следственные органы мнение партийного комитета «о направлении на судебное рассмотрение и судебном решении по делу» работников-коммунистов считать для себя партийной директивой¹. В июле 1922 года появляется циркуляр «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными учреждениями РСФСР, в случае возбуждения следствия и суда над членом партии РКП (б)». В нем предписывалось следственным органам изменять меру пресечения в отношении членов партии и освобождать их из-под ареста под поручительство трех членов партии². В 1922 и 1923

гг. издаются секретные инструкции «О порядке привлечения к судебной ответственности ответственных работников-коммунистов», которые ограничивали возможности судебного преследования руководителей-хозяйственников³.

Правила игры «в правосудие» для коммунистов во второй половине 1920-х годов меняются в сторону ужесточения правил игры для членов партии. Это было вызвано обеспокоенностью возросшим количеством растрат коммунистами государственных средств, ростом негативных настроений в обществе в отношении безнаказанности коммунистов. Каждый коммунист за совершенное им преступление подлежал привлечению к судебной ответственности, аресту и наказанию на общих со всеми гражданами основаниях. Парторганизациям категорически запрещалось вмешиваться в судебные и следственные дела и предрешать приговоры. Воспрещалось смягчать приговор из-за партийной принадлежности по корыстным делам, по делам о насилиях, самоуправстве, контрреволюционным и о растратах⁴. Но общие декларации не отменяли внеправового порядка привлечения к ответственности членов партии, в реальности правовые льготы для коммунистов продолжали действовать. В условиях сложившейся жесткой партийно-государственной системы суды не могли возразить партийному диктату без серьезных для себя последствий дисциплинарного порядка. Создание особых условий в отношении коммунистов, уличенных в преступных деяниях, подрывало основы государства, закон переставал быть основой политической, общественной жизни. В результате сформировалась политика двойных правовых стандартов: одни стандарты для ответственных работников, другие – для простых граждан. У номенклатуры сложились свои правила поведения, существенным образом отличавшиеся от норм поведения рядовых граждан.

¹ Государственный архив общественно – политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф.840. Оп.1. Д. 320, Л. 32

² ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1446. Л. 130

³ Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 34. 6, Д.137. Л. 58

⁴ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д.1008, Л. 12 – 14

Сформировавшееся в 1920-е гг. в советском массовом правосознании негативное отношение к закону в своей основе опиралось на официальную политико-правовую доктрину, которая, отражая идеологические представления правящей группы и внутриполитическую конъюнктуру, объективно выстраивала негативный вектор правового поведения населения. Этому же способствовала и классовая правоприменительная практика, ставя в неравное правовое положение различные группы населения. Таким образом, признавая наличие целого комплекса факторов, препятствовавших формированию адекватного потребностям общества правосознания, следует признать, что важнейшими из них были политико-правовые и социально-экономические установки государственной власти. Именно теоретическая конструкция в виде большевистской концепции правосознания, реализуемая в соответствующей правовой по-

литике, являлась важнейшим фактором, формировавшим соответствующие модели массового правового поведения представителей правящей элиты и различных социальных групп населения в 1920-е гг. Еще раз подтверждается истина, что в обществе, где правовой нигилизм воспроизводится самим государством, у граждан невозможно сформировать позитивное отношение к праву. В таком обществе основная масса граждан будет руководствоваться в своих повседневных действиях неписаными нормами массовых правовых представлений, далеко не всегда совпадающими с правовыми нормами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бухарин Н.И. Избранные произведения. - М.: Политиздат, 1988. - 499 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - Т. 43 (Март - июнь 1920) - М.: Политиздат, 1970. - 562 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР. (Ред. 1922 г.). - М.: Изд-во НКЮ, 1923. - 124 с.